

ПЛАН-КОНСПЕКТ кураторского часа

Тема занятия: Ф.А. Щербина и «История Кубанского казачьего войска».

Цель занятия: знакомство с биографией выдающегося деятеля Ф.А.Щербины, выявить вклад Ф. А. Щербины в историко-культурное наследие Кубанской области

Задачи:

1) образовательная: организовать деятельность по усвоению теоретического материала о выдающемся народном деятеле Ф А Щербине.

2) воспитательная: – воспитание чувства любви к Родине; гордости за свой край

3) развивающая: формировать умения работы с литературой

Тип занятия: сообщения и усвоения новых знаний

Форма работы: фронтально-коллективная

Методы обучения: объяснительно-иллюстративный

Учебно-материальная база:

1.Материалы конференции «Научно-творческое наследие Ф.А. Щербины и современность». Краснодар, 2004 год

2. Интерактивная доска, компьютер, мультимедиа проектор, электронный вариант дидактического материала.

Ход занятия

I. Организационный момент

Определение и разъяснение цели занятия. Воспроизведение обучающимися знаний, связанных с содержанием предстоящей работы.

II. Основная часть

Щербина Федор Андреевич (1849-1936)

Федор Щербина родился 13 февраля 1849 года в станице Новодеревянковская, Краснодарский край. Родился в казачьей семье. Окончил Черноморское духовное училище в городе Краснодар и Кавказскую духовную семинарию в городе Ставрополь. После семинарии в 1872 году получил войсковую стипендию для обучения в Петровской сельскохозяйственной академии, где учился два года. Через год поступил в Новороссийский университет.

За участие в группе Башенцы и «хождении в народ» подвергся аресту, через месяц выпущен под залог и отправлен в ссылку в Вятскую губернию, ныне Кировскую область, а затем в Вологодскую до 1877 года. В ссылке начал изучать общинный быт России, стал регулярно печататься в «Отечественных записках», «Русских ведомостях» и других изданиях по проблемам земельной общины, артельного

движения, казачьей хозяйственной жизни.

В 1884 году Щербина принят в качестве статистика на службу в Воронежское земство. До 1903 года возглавлял организованное им Воронежское статистическое бюро. Через два года руководил экспедицией по исследованию областей Степного края, организованной Министерством земледелия и государственных имуществ. Первым в России произвел широкомасштабные бюджетные исследования крестьянских хозяйств Воронежской губернии. С марта 1902 года являлся одним из активных участников либеральной оппозиции, что стало причиной административной ссылки, которую отбывал в своем имении в Черноморской губернии с января 1903 по октябрь 1904 года. С 1904 года являлся членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Федора Андреевича в 1907 году избрали депутатом II Государственной думы от Кубанского казачьего войска, возглавил казачью фракцию в Думе, примкнул к партии народных социалистов.

В 1918 году 28 февраля Щербина, в составе вооруженного отряда Кубанского краевого правительства под командованием полковника В.Л. Покровского, выступил из города Краснодар, атакованного красными отрядами, в поход, получивший впоследствии имя «Ледяного». Участия в боевых действиях Щербина не принимал. В походе Щербина возобновил свою литературную деятельность и писал поэму на украинском языке «Черноморцы» о переселении украинских казаков на Кубань и освоении ими этого края. Участие Щербины в походе отметили вручением ему знака первопоходника, вручение которого провели в торжественной обстановке и с возданием почестей награждаемому.

Федор Андреевич в 1920 году оказался в эмиграции, сначала в составе кубанской делегации в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. С 1921 года жил в чешском городе Прага, где работал профессором Украинского свободного университета с 1922 по 1936 года. С 1924 по 1925 года занимал должность ректора ВУЗа, одновременно являлся профессором статистики Украинской хозяйственной академии в городе Подебрады. Принимал участие в деятельности научного общества имени Т. Шевченко, действительным членом которого впоследствии избран. Писал на украинском литературном языке, составил стихотворные поэмы «Черноморцы» и «Богдан Хмельницкий». Во время написания основного научного труда «История Кубанского казачьего войска» ему помогал С.В. Петлюра.

Щербина Федор Андреевич скончался в городе Прага 28 октября 1936 года, похоронили его на Ольшанском кладбище. Впоследствии, при поддержке российских дипломатов и Чешской Православной церкви прах перевезли в город Краснодар и 17 сентября 2008 года торжественно перезахоронили в Свято-Троицком соборе.

Памятник Щербине установлен в городе Краснодар в детском сквере «Дружба» 13 сентября 2011 года. Его именем в городе названа улица. Императорское Географическое общество премировало золотой медалью работу «Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду», также награжден Академией наук премией императора Александра II за работу «Воронежское земство. 1865 - 1889 года».

Федор Андреевич затронул "проблему краевого родиноведения".

Родиноведение – это катехизис местного населения. Катехизис этот нужно знать наизусть, как символ веры, каждому, кому дороги интересы родины, кто жил и живет ее радостями и печалью. Родиноведение должно лечь в основу воспитания детей, должно занять умы людей зрелого возраста, должно стать неотъемлемой принадлежностью просвещения, основной чертой культурного развития" Этими словами Федор Андреевич наиболее полно определил значение краеведения.

Федор Андреевич подчеркивал, что при изучении края с точки зрения родиноведения должно быть отведено центральное место человеку, его взаимоотношениям и общественным формам сожителства. Именно в этом кроются начала краеведения.

"Изучайте родной край в одиночку или организованными группами, но никогда не упускайте из виду научного плана и системы. В знании родного края – наша сила и величие родины"

Федор Андреевич – член многих научных учреждений и обществ, занимавшихся изучением Кубани: Кубанского областного статистического комитета (с 1889 г.); Общества любителей изучения Кубанской области (почетный член с 1910 г.); Совета обследования и изучения Кубанского края (почетный член с 1918 г.). Занимаясь изучением истории Кубанской области, он написал две основательные работы по истории Кубанского казачьего войска.

Одна из них – сборник кратких сведений "Кубанское казачье войско. 1686–1888 гг.", составленный под редакцией и при помощи Е. Д. Фелицына в 1888 г.

Другая – двухтомная "История Кубанского казачьего войска". Б. М. Городецкий в рецензии "Новый труд по истории Кубанского края" написал: "Кубанское казачье войско давно уже ждало своего историка, который бы сумел научно разработать обширный местный материал, хранящийся в пыльных связках различных архивов, и на основании его беспристрастно изобразить историю возникновения этого войска"

В октябре 1903 г. разработанную Федором Андреевичем программу написания истории Кубанского казачьего войска утвердило Главное управление казачьих войск.

Федор Андреевич был одним из первых кубанских историков, кто организовал изучение архивных документов в архивохранилищах региона и страны – в Екатеринодаре, Ставрополе, Владикавказе, Георгиевске, Кизляре, Тифлисе, Одессе, Астрахани, Новочеркасске, Екатеринославле, Воронеже, Харькове, Москве, Петербурге...

Таким образом, Федор Андреевич не только организовал изучение архивных документов по истории Кубани, но и пытался сделать их народным достоянием.

Среди научных направлений, которыми занимался Федор Андреевич (экономика, статистика, история и т. д.), справедливо выделяют этнографию и археологию.

III. Заключительная часть

1. Федор Андреевич опубликовал многочисленные работы по истории, археологии, этнографии и т. д., которые стали составной частью историко-культурного наследия Кубани.

2. Разработал своеобразную методику совершенствования "родиноведения": "У нас должны быть свои кубановеды и свое кубановедение". Один из первых стоял у истоков методики кубановедения.

3. Организовал выявление и изучение архивных документов по истории Кубани в архивохранилищах страны.

Материалы к кураторскому часу.

Федор Андреевич Щербина был крупным ученым — историком, этнографом, статистиком, государственным и общественным деятелем, педагогом. Его исследования как основоположника русской бюджетной статистики, особенно труд «Крестьянские бюджеты», долгое время служили методологической основой анализа потребления крестьян и рабочих. В свое время на эти исследования обратил внимание В.И. Ленин (и дал на них критические замечания в своих трудах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» и «Развитие капитализма в России»).

Кубанцы больше знают Щербину как историка — по его капитальному двухтомнику «История Кубанского казачьего войска», впервые изданному в 1910 — 1913 годах. Но мы о нем расскажем в более широком плане.

Родился он в станице Новодеревянковской на Кубани 13 (25) февраля 1849 г. Выходец из казачьего сословия, сын священника. На третьем году жизни потерял отца, остался на попечении матери и родственников. В 1861 г. был определен в Войсковое духовное училище в Екатеринодаре, а по окончании училища (в 1866 г.) поступил в Кавказскую духовную семинарию в Ставрополе. Здесь под влиянием трудов русских и иностранных писателей организовал артель товарищей по сапожному, столярному и переплетному ремеслам. А в 1869 г. уговорил товарищей устроить земледельческую артель. Она успешно работала два с половиной года в Бриньковской.

В 1872 г. Щербина поступил в Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве. Пробыл здесь два года, обучался на средства казачьего войска, принимая самое активное участие в различных кружках, но, попав под «подозрение жандармского начальства», вынужден был оставить академию и перейти в Новороссийский университет (в Одессе). И здесь он был стипендиатом Кубанского войска.

В 70-х годах Щербина близко общался в Одессе с участниками «Южно-русского союза рабочих» и, по словам одного исследователя, «выражал тогда взгляды революционного народничества» и даже соприкасался «с участниками еще не оформившейся рабочей организации». Сам же Щербина в своих воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, утверждал, что, будучи в Новороссийском университете, увлекался научными и литературными трудами Н.Г. Чернышевского, был знаком с народниками М.Ф. Флоренко, А.И. Желябовым, С.Л. Перовской... Позже он отошел от революционного народничества.

Уже в Одессе за критику порядков и пропаганду среди наборщиков и рабочих Щербина обратил на себя внимание жандармов. Несколько раз подвергался арестам; наконец был посажен в одиночную камеру, но выпущен под денежное поручительство.

В 1877 г. выехал на родину — на Кубань. Когда находился в Екатеринодаре, пришло распоряжение об его административной высылке в Вологодскую губернию. Ему пришлось «пропутешествовать» по всем этапам и тюрьмам — с крайнего юга на крайний север. В ссылке он пробыл около четырех лет, вернулся на родину в конце 1880 г.

В ссылке он написал и опубликовал две важные работы: «Сольвычегодская земледельческая община» и «Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм».

Прибыв на Кубань, он с 1880 по 1884 г. детально изучал казачью жизнь, экономику Кубанской области, исследовал все ее стороны, что дало ему возможность напечатать потом ряд работ и статей о родной области. В 1884 г. его пригласили для организации и ведения статистических работ в Воронежском губернском земстве. Здесь он девятнадцать лет (по январь 1903 г.) заведовал Воронежским земским статбюро. Эта был наиболее плодотворный период в его творческой деятельности по изучению статистики. В это время им опубликовано много важных статистических трудов, которые выдвинули Щербину как авторитетного ученого и исследователя среди русских статистиков в области бюджетной статистики («Воронежское крестьянское хозяйство», «Сводный сборник по 12 уездам. Воронежской губернии», «Крестьянские бюджеты и зависимость их от урожаев и цен на

хлеб», «Крестьянские бюджеты», «Влияние урожаев и хлебных цен на крестьянское хозяйство», «Сборник оценочных сведений по крестьянскому хозяйству 4-х уездов Воронежской губернии», «Крестьянское хозяйство по Острожскому уезду» — удостоено большой золотой медали императорского географического общества).

Уже тогда Щербина показал себя и видным историком. Вместе с другим плодовитым ученым — секретарем Кубанского статистического комитета Е.Д. Фелициным — он подготовил и опубликовал в Воронеже в 1888 г. исторический труд «Кубанское казачье войско, 1696 — 1888 гг. Сборник сведений о войске».

Этот сборник был спешно составлен и напечатан к приезду в Екатеринодар императора Александра III на празднование и поднесен наследнику Николаю как атаману всех казачьих войск. Книга очень понравилась молодому наследнику. Он в течение двух недель читал ее и составил по ней доклад своему воспитателю — генералу.

Для Щербины открылась широкая дорога. Он был замечен царским наследником, и, вступив на престол, Николай II вспомнил о Щербине, назначил его начальником экспедиции для обследования киргизских степей и установления норм землепользования.

Экспедиция дала 10 томов ценных научных трудов, произведя перепись киргизского населения, учет всех видов скота; был описан кочевой быт киргизов, установлены земельные нормы, которые вполне удовлетворяли киргизов.

В 1900 г. Щербина первым в России провел в Воронежском губернском комитете по сельскохозяйственным нуждам официальное постановление о необходимости Конституции в России. Его доклад, сделанный на заседании данного комитета о нуждах крестьян Воронежской губернии, наделал в то время большого шума, и Щербина в 1903 г. был выслан в свой хутор на Кавказ.

К этому времени, живя на Кубани, он получил всеобщее признание как ученый не только у себя на родине, но и далеко за пределами Кубанской области. Щербину избрали членом различных обществ: действительным членом Воронежского отдела Московского сельскохозяйственного общества, почетным членом Острожского сельскохозяйственного общества, действительным членом Вольного экономического общества, действительным членом Западно-Сибирского отдела Российского географического общества, почетным членом Общества любителей изучения Кубанской области. В 1904 г. его избирают членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

По своим политическим убеждениям Щербина выражал взгляды так называемых народных социалистов — представителей мелкобуржуазного правооппортунистического крыла эсеровской партии и «самостийского» казачества (особенно после социалистической революции).

В 1906 г. он стал председателем Кубанской войсковой казачьей рады. Она появилась в тот момент, когда представители четырех казачьих формирований на Кубани — черноморцы, старолинейцы, новолинейцы, или лабинцы и закубанцы, — расположенные на четырех обособленных территориях, пришли к согласию об объединении этих территорий в одну общеказачью Кубанскую. В 1907г. Щербина избирается членом 2-й Государственной Думы от партии народных социалистов, организует казачью фракцию и становится ее председателем.

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции Щербина становится членом Кубанской войсковой рады и членом Кубанского войскового (краевого) правительства; был он в это время также председателем Верховного суда Кубанского края, председателем финансово-бюджетной комиссии при законодательной Раде, профессором Северо-Кавказского политехнического института (в Ростове-на-Дону), профессором Кубанского политехнического института, членом Верховного круга Дона, Кубани и Терека.

С 1900 по 1920 г. Щербина наряду со статистическими разработками и изучением общественной жизни продолжал вести исторические исследования. Им написана и издана книга по истории Армавира (История Армавира и черкесогаев. — Екатеринодар, 1916 г.),

в которой он показал армавирских купцов и торгашей — рыцарей первоначального накопления, которые, по словам историка, были «предприимчивые и энергичные люди, державшие в одной руке торговые весы, а в другой — остро отточенную шашку».

И все же главная и наиболее известная историческая работа Щербины — его двухтомная «История Кубанского казачьего войска». Полный перечень его печатных работ, написанных и опубликованных до первой мировой войны, дан известным библиографом Б.М. Городецким. (Литературные и общественные деятели Северного Кавказа. — Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета. — Екатеринодар, 1913, т. 18, с. 389—391).

Революция и Гражданская война перепутали все карты историка. Он эмигрировал...

Эмигрировав во время Гражданской войны, Щербина в 1920 г. прибыл в Югославию. Был он в составе делегации при регалиях Кубанского казачьего войска — как историк этого войска и как член делегации. В 1921 г. из Югославии он переехал в Чехословакию, занимался профессорско-преподавательской деятельностью; состоял ординарным профессором Украинского университета в Праге, был ректором и проректором этого университета, деканом его юридического факультета, ординарным профессором Украинской государственной академии в чешском городе Падебрадах.

Попав в эмиграцию, Щербина оказался в невыгодных условиях для создания исторических и иных трудов и занимался исключительно преподавательской деятельностью. В течение десяти лет он читал лекции с профессорской кафедры, внес немалый вклад в науку, главным образом по своей специальности — статистике.

В эмиграции (за исключением первой своей книги «Законы эволюции и русский большевизм», изданной в Праге в 1921 г., и трех или четырех статей в сборниках на русском языке) Щербина читал лекции, писал и печатал свои труды только на украинском языке. В Праге он нашел подходящие для этого почву и условия, и когда профессора Украинского университета предложили ему занять кафедру статистика, с радостью принял это предложение и с воодушевлением взялся за дело. В 1925 г. на украинском языке издал в Праге две книги (результат его лекционной деятельности) по истории статистики).

28 октября 1936 г. на 87 году жизни Федор Андреевич умер. Похоронили его в крипте православной церкви на Ольшанском кладбище в Праге. На надгробии знаменитого казачьего историка выбита поэтическая метафора Тараса Шевченко: «Вщерть добром налите серце ввік не прохолоне» — «До краев добром налитое сердце вовек не остынет»...

Какова же судьба его ученых трудов, особенно созданных за рубежом?

Мне удалось раздобыть адрес одного из кубанских эмигрантов — уроженца станицы Каневской Михаила Хомича Башмака.

Родился он 11(23) января 1892 г. Окончил училище в станице Уманской и педагогические курсы в Новороссийске; в 1910 г. стал народным учителем. Сначала работал в станице Новонижестеблиевской (Гривенской), потом — в Ивановской. В 1914 г. был мобилизован в армию; в 1915 г. окончил школу прапорщиков в Тифлисе, служил офицером в 3-м Запорожском конном полку Кубанского казачьего войска. В 1917 г. от полка был депутатом сначала Кубанской войсковой рады, потом краевой Рады. В 1920 г. совместно с кубанскими войсковыми частями эвакуировался за границу на остров Лемнос. Отсюда перебрался в Югославию; был учителем в городе Свилайнац в Сербии. В 1923 г. переехал в Прагу. Здесь окончил Украинский пединститут и двухгодичные библиотечные курсы при философском факультете Карпового университета. Получил место библиотекаря сначала в Славянской библиотеке, потом в Национальной и университетской библиотеках в Праге. Проработал в них около 30 лет, получил звание профессора.

М.Х. Башмак лично был знаком с Ф.А. Щербиной еще на Кубани. А в Праге неоднократно бывал у него дома, в университете слушал его лекции. После смерти

историка стал опекуном его сына Григория. Когда умер Григорий (в 1947 г.), чехословацкий суд признал М.Х. Башмака единственным владельцем архива Ф.А. Щербины.

Материалы историка находились в груде хлама на квартире его покойного сына (Григорий в последние годы жизни пришел в такое состояние, что попал в психиатрическую больницу, здесь и умер). Суд дал Башмаку всего три дня на разборку этих материалов... В спешном порядке были отобраны шесть мешков тех документов и литературы, которые, по мнению Башмака, имели отношение к истории Кубани...

Еще до знакомства с Башмаком я слышал легенды, будто Щербина в эмиграции издал третий том «Истории Кубанского казачьего войска». Это было далеко от истины. Несостоятельна и версия некоторых ученых, будто Щербина в 1919 г. возвратился к «Истории Кубанского казачьего войска», «задумав завершить и издать третий и четвертый тома этого труда».

Наиболее вероятно вот что: Щербина приступил к подготовке двух последующих томов — 3-го и 4-го — сейчас же после завершения изданного двухтомника «История Кубанского казачьего войска». Ибо если бы он задумал взяться за столь грандиозный труд лишь в конце Гражданской войны, у него ничего не получилось бы. А то, что он успел завершить третий том и собрать большой материал для четвертого тома, я могу доказать документально. К сожалению, рукописи исчезли бесследно...

На первое же мое письмо, посланное 16 августа 1964 г. Башмаку, он ответил:

«Когда еще был жив профессор Федор Андреевич, все спрашивали его, когда выйдет его третий том «Истории Кубанского казачьего войска». Профессор отвечал: «Мий готовий третий том та материалы до четвертого тома пишли на цигарки товарищам». По словам Ф.А. Щербины, третий том был готовый, а к четвертому тому были подготовлены все материалы и другие ценные документы, но остались на его хуторе на Черноморском побережье. Вот там, в Джанхоте, нужно искать материалы Ф.А. Щербины».

Чтобы документально подтвердить свои слова, М.Х. Башмак прислал мне нотариально заверенную копию большого — на 12 страницах — письма Ф.А. Щербины. Это письмо хранится у меня. Историк адресовал его 18 июня 1928 г. члену краевой рады Л.П. Макаренко и просил, чтобы тот написал другому бывшему члену краевой рады Савве Крикуну, вернувшемуся в СССР, с просьбой поискать в Джонхоте спрятанные им, Щербиной, перед эмиграцией самые ценные материалы и книги.

Приведу лишь небольшую выдержку из этого письма Щербины, написанного на украинском языке. В приблизительном переводе там написано: «У меня есть некоторые основания думать, что часть наиболее ценных книг и материалов сохранилась у меня в Джонхоте. Я попросил бы Крикуна выслать мне за любую плату следующие дорогие для меня вещи: третий том в рукописях «Истории Кубанского казачьего войска», некоторые наброски для четвертого тома той же истории...»

Почему именно в Джанхоте оказались материалы Щербины? Его супруга выиграла по лотерейному билету земельный участок на берегу Черного моря, в красивом ущелье. Тут и был построен дом. В нем жил Щербина после переселения сюда, на Кавказ. Дом Щербины почти соседствовал с дачей писателя В.Г. Короленко. В Джонхоте был похоронен брат историка, учитель духовного училища в Екатеринодаре Василий Андреевич Щербина.

После получения процитированного письма Щербины я побывал в Джанхоте. Мне удалось еще застать в живых тех людей, которые хорошо знали знаменитого кубанского историка. Одна словоохотливая женщина поведала о нем как о добром человеке. — Мой отец работал у него, — говорила она, — Он никого не обижал, редко бывал на своей даче. Все — в пути. А когда первый раз приехал в Джанхот и отец назвал его «барином», он сказал: «Что ты! Не зови меня барином, зови просто: «Федор». Его жена Ксения Семеновна — та действительно была важной барыней.

Но установить следы материалов, спрятанных Щербиной в Джанхоте, было не просто. Нужно было хотя бы возвратить его литературное наследство, которое находилось за рубежом. Так началась моя десятилетняя переписка с Башмаком. Я писал ему: «Вы очевидно согласитесь со мной, уважаемый Михаил Хомич, что литературное наследство русского ученого должно принадлежать русскому народу, что наиболее удобное и надежное место хранения материалов Щербины — Государственный архив Краснодарского края, и не только хранения, но и использования их исследователями в своих исторических трудах по истории нашего края».

Башмак в своих ответах неоднократно повторял, что американцы предлагают ему за материалы Щербины большие деньги. Конечно, не сами американцы заинтересовались архивом Щербины, а такие же русские эмигранты, попавшие в Америку. «Это кубанские казаки хотят на самом деле подзаработать... Я никому из них ничего не послал», — писал Башмак.

Наконец он согласился возвратить материалы Щербины безвозмездно в СССР. Он писал: «У меня лично твердое мнение передать все материалы личного фонда проф. Ф.А. Щербины только в госархив Краснодарского края». В сентябре 1964 г. он прислал мне список материалов. В нем значилось 222 наименования. А 13 ноября того же года отправил мне из Праги фотографию Ф.А. Щербины в траурном обрамлении, сделанную еще по случаю его кончины и похорон 2 ноября 1936 г. на Ольшанском кладбище. (Позже — 9 января 1972 г. — Башмак выслал мне и фотографию гробницы историка.) После этого у меня состоялись две встречи с М.Х. Башмаком: первая — в Сочи, 7 августа 1966 г., когда он прибыл в составе чехословацкой туристической группы; второй раз — в Краснодаре, в июле 1968 г., когда Башмак тоже приехал в составе чехословацкой туристической группы. Мы с ним побывали в его родной станице Каневской. Он был моим гостем...

В одном из ранее написанных мне писем Башмак сообщал, что его посетила сотрудница Главного архивного управления при Совете министров СССР В.И. Ченцова. Она, будучи в командировке в Чехословакии с какой-то комиссией, сказала Башмаку, что в Москве заинтересовались архивом Щербины. Желая избавиться от столь высокопоставленного претендента на получение материалов кубанского историка, Башмак ответил Ченцовой, что свои права на владение архивом Щербины уже предъявил некий Панкеев, проживающий в Вене. Он — племянник не самого историка, а сестры его жены.

Стремясь возвратить труд кубанского ученого на Кубань, Башмак писал мне в июле 1972 г.: «После моего плана, который давно уже носил в голове, был таков: всё имущество проф. Щербины должно находиться на родной Кубани в Краснодаре, в музее или в других учреждениях, но был вопрос, как доставить все это в Краснодар». И опять сообщал о том же объявившемся мнимом наследнике Панкееве, который, проживая в Вене, «приезжал в Прагу и с разрешения нотариуса кое-что взял из имущества, особенно интересовался денежными вкладами». Словом, этого авантюриста интересовали не архивные документы знаменитого историка, а его денежные сбережения. И все же оставалось загадкой: а не взял ли этот Панкеев какие-либо ценные документы Ф.А. Щербины?

В письме от 17 февраля 1973 г. Башмак сообщал мне: «В начале февраля явились ко мне на квартиру две особы из Архивного управления г. Праги и начали расспрашивать об архиве проф. Ф.А. Щербины, знали, что я опекун над имуществом проф. Ф.А. Щербины». На вопрос Башмака, откуда им все это известно, они умышленно ничего не ответили. По их просьбе Башмак дал им копию своего письма к консулу посольства СССР в Праге. «Может быть, и правда, — продолжает Башмак, — что по плану культурного и научного сотрудничества между СССР и ЧССР предусмотрено командировать в Чехословакию двух представителей Главархива СССР. Но я, если они ко мне явятся, я им ничего не дам, а будет это так, как было в 1966 г. с Варварой Ивановной

Ченцовой. Опять я им заявлю, что архив проф. Ф.А. Щербины передам только в Архивный отдел г. Краснодара, но ни в коем случае кому бы то ни было».

Во время наших встреч М.Х. Башмак еще раз подтвердил свое полное согласие передать материалы Ф.А. Щербины в краевой госархив — без всякого вознаграждения.

По моей просьбе архивный отдел крайисполкома обратился в Главархив РСФСР за разрешением командировать меня как сотрудника архивного отдела за материалами в Чехословакию. Но Главархив воспрепятствовал этому. Будучи в Москве по служебным делам, заведующая архивным отделом узнала от некоторых лиц мнение начальника отдела внешних сношений Главархива СССР Капрана: материалы Ф.А. Щербины, мол, не представляют большой ценности, посылать за ними в Прагу человека нет никакого смысла.

Странно, не правда ли? Как мог работник Главархива страны оценивать материалы, о содержании которых ничего не знал! Цель этого архивного чиновника было иная: забрать материалы Щербины в Москву и — «засекретить» их.

Верное доказательство этому — то, что когда в отделе внешних сношений Главархива СССР узнали о материалах Щербины, немедленно в Прагу была послана сотрудница этого отдела В.И. Ченцова (о чем я уже сказал). И о «засекречивании» материалов Щербины — это не пустые слова. Ведь в те времена даже само имя этого ученого было «засекречено».

Когда я с коллективом архивистов готовил «путеводитель по государственным архивам Краснодарского края» (изданный в 1963 г.), цензура запретила назвать личный фонд Федора Андреевича Щербины его именем, предложив сформулировать название этого фонда так: «Коллекция документов по истории Кубани». (Хоть Захарию Алексеевичу Чепеге в этом не отказала! Смотри на страницах «Путеводителя...» 139 — 140: «8. Личные фонды и коллекции».)

Получив отказ направить меня в Прагу за материалами Щербины, я посоветовал М.Х. Башмаку обратиться с письмом в Краснодарский крайком партии. И вот в августе 1973 г. крайком КПСС направил меня в Прагу, включив в группу туристов из состава работников сельского хозяйства Щербиновского района. Наконец я в гостях у профессора Башмака. Жил он весьма скромно. Старомодная мебель: большой обеденный стол с точеными ножками, несколько стульев с высокими спинками, черный лакированный буфет, поблекший от времени, ветхая кушетка, на которой, как видно, хозяин спал... Все свидетельствовало о том, что восьмидесятилетний профессор с полуоблысевшей седой головой, будучи сам эмигрантом, за полувековую жизнь в этой стране едва ли менял обстановку...

В полумрачной комнате, напротив единственного окна, смотревшего в глухую стену соседнего дома, стоял рабочий стол. Он был завален книгами, журналами, рукописями. Около окна, прямо на полу — большой портрет, написанный масляными красками. Человек с обрюзгшим лицом... Это и был наш ученый-эмигрант, чьи рукописи я должен был увезти на родину. На буфете в круглой коробке лежала его посмертная гипсовая маска. — Книги и журналы с рукописями я приготовил для вас, — сказал Башмак. — Портрет и маску возьмете? — Маску возьму. А портрет пусть пока останется у вас. У меня не будет возможности его увезти.

В описи имущества Ф.А. Щербины, которое я вывозил из Чехословакии, уже значилось не 222 наименования, о чем извещал меня Башмак в сентябре 1964 г., а всего лишь 57. Но даже и это не все удалось доставить по назначению. Хотя на провоз материалов и другого имущества через государственную границу было получено разрешение нашего консула в Праге, на пограничном пункте в г. Чопе Ужгородского района Закарпатской области был допущен произвол — была изъята некоторая литература. Таким образом, было доставлено в Краснодар только 32 наименования, в том числе и посмертная маска историка...

Среди изъятых и оставленных на таможне значились по списку: две книги — Ф.А. Щербины «Законы эволюции и русский большевизм», Прага, 1921 г. и И.А. Белого «Казачьи земли», Прага, 1923 г. — и все журналы. В изъятых на таможне журналах опубликованы нужные для исследователей материалы по истории Кубанского казачьего войска и вообще казачьих войск.

Например, в изъятых журналах «Вольное казачество» за 1927—1939 годы опубликованы материалы о происхождении казачества, о возникновении казачьих войск, об аграрном вопросе в земле Войска Донского, о переселении Черноморских казаков на Кубань, об Азовском казачьем войске, о деятельности и литературных произведениях атамана Черноморского казачьего войска Я.Г. Кухаренко — друга Т.Г. Шевченко... И многое другое. Однако самые главные материалы все же были возвращены на родину Щербины.

Были они в двух чемоданах. Среди них — основные рукописные работы историка, главным образом — его воспоминания «Пережитое, передуманное и осуществленное» в четырех томах, всего на 2215 страницах; рукописи других его работ, главным образом — о статистике; его поэтические произведения — поэма «Богдан Хмельницкий», стихи «Петро Кубанец», «Черноморец» и т.д.

Все это после доставки в Краснодар было сдано по описи в Государственный архив Краснодарского края. К сожалению, судьба других материалов, оставшихся в Чехословакии, особенно портрета Ф.А. Щербины, написанного художником С. Мако, который предлагал мне Башмак взять с собой, неизвестна. В мае 1976 г. я получил похоронное извещение от жены Михаила Хомича — Карлы Вячеславовны Штеффель, по национальности чешки — о смерти Башмака. На мой запрос пожилая женщина удовлетворительного ответа не дала...

Возвращенные труды нашего кубанского историка, статистика, этнографа Ф.А. Щербины, прежде всего его воспоминания, рано или поздно должны быть изданы! За год до смерти Федор Андреевич оставил завещание единственному сыну Григорию — на право владения земельными участками в Джанхоте и урочище Фальшивый Геленджик; в случае смерти сына эти участки должны были отойти в государственную собственность.

В октябре 1964 г. Михаил Хомич Башмак прислал мне нотариально заверенную копию завещания нашего славного кубанского ученого.

Привожу полностью это завещание:

«Сентября четырнадцатого дня тысяча девятьсот тридцать пятого года я, нижеподписавшийся профессор Украинского Вольного Университета в Праге Федор Андреевич Щербина, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю на случай моей смерти все свое движимое и недвижимое имущество, где бы таковое ни находилось и в чем бы ни заключалось, единственному сыну моему Григорию Федоровичу Щербине с тем, чтобы если он умрет ранее, чем вступит во владение двумя принадлежащими мне нижеперечисленными участками земли, находящимися в пределах Черноморской губернии, в случае если мое право на эти участки будет возвращено, и независимо от этого при жизни моего сына или после смерти его таковое право было бы возвращено, то оба эти участка, каждый, как единое целое (т.е. без уменьшения их земельной площади), должны перейти во владение того государства, в котором они будут находиться, на строго определенные нижеизложенные цели. А именно. Участок, который при моей покупке носил название лотарейного под № 1, и включает в себе сто десятин земли, прилегающей по правому берегу речки Хотейай у самого устья ее при Черном море в урочище Малый Джанхот, должен быть предназначен на вечные времена служить акклиматизационной станцией, питомником и рассадником всевозможных растений, главным образом для древесных (фруктовых, декоративных и промышленных) пород и виноградных лоз. При этом государство, поскольку это не будет помехой основной идее «культивированию растительного царства», может допускать дополнительную эксплуатацию участка опытами акклиматизации, выводом новых пород и сохранением старых, животного

царства. Кроме того, крайне желательно устройство на участке образцовой метеорологической станции, как необходимого дополнения для целей культуры растений.

Участок, носивший при моей покупке название потомственного под № 9 и заключающий в себе десять десятин земли, прилегающей к береговой полосе Черного моря у самого устья реки Адербы (Мезыбки) в урочище Фальшивый Геленджик, должен быть предназначен на вечные времена служить общественным парком без права возведения на нем жилых, торговых, промышленных, складочных, и для арендных, или ресторанных целей, строений, но с правом устройства приспособлений и построек сейсмографических и метеорологических для инструментов автоматического функционирования, водопроводных для орошения парка и питьевой воды для нужд гуляющих и склада необходимых для ухода за парком садовых инструментов, а также сооружений для украшения парка: фонтанов, художественных памятников, колоннад и башен для обзора местности.

Предоставляется государству право в целях более успешного ухода за парком предоставлять его во временное безвозмездное пользование ближайшему населенному месту (городу, местечку, курорту) на территории урочища Фальшивый Геленджик. Если же сын мой, Григорий Щербина, вступит при своей жизни во владение названными участками и умрет, не воспользовавшись предоставленным ему мною, как полновластному собственнику, правом продажи, дарения или завещания, и не отменит формальным актом указанного в этом завещании порядка наследования участков с предназначением на культурные (для участка в сто десятин при речке Хоцетай) или общественные (для участка в десять десятин в урочище Фальшивый Геленджик) цели, то порядок этот остается в силе, и участки переходят на условиях, указанных выше, к государству, в доказательство же своего согласия на это сын мой также дает свою подпись под этим завещанием.